

МИР НА ПОРОГЕ ПЕРЕМЕН: ПАНДЕМИЯ КАК КАТАЛИЗАТОР

...Ибо если это предприятие и это дело — от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его...

Деяния Апостолов, 5:38, 39

Современный мир переживает эпоху глубокой комплексной трансформации. Сегодня это стало вполне зримой реальностью. Многие политики задаются далеко не праздным вопросом: что надо сделать для того, чтобы мир не увяз в конфронтации? В последнем докладе на Мюнхенской конференции по безопасности (февраль 2020 г.) ее председатель В. Ишингер писал о «беззападности» (westlessness) нашего мира. Даже лидеры ведущих западных стран, например Э. Макрон, публично признают «конец гегемонии Запада» и подчеркивают необходимость скорейшей адаптации к качественно новой глобальной среде, включая геополитический контекст. Призыв к такому переосмыслению — логичный результат прямых ошибок самого Запада в проведении внешней политики методами, отставшими от императивов и вызовов современной эпохи. Но сегодня очевиден и такой важнейший, даже первостепенный фактор, как кардинальное усиление роли России, Китая, Индии — словом, ведущих «незападных» игроков на международной арене. Не считаться с этим уже попросту невозможно. В то же время назрела необходимость адекватной реакции на опасный рост напряженности и конфликтов, в том числе военных, на волну терроризма, на кризис развития вообще и рыночной экономики в частности — на все то, что позволяет констатировать «стабильное осложнение международных отношений», по меткому замечанию министра иностранных дел России С. В. Лаврова¹. И, разумеется, необходимо учесть, что одними из самых весомых составляющих окружающего нас

¹ См.: Лавров заявил о стабильном осложнении международных отношений. URL: <https://iz.ru/917795/2019-09-04/lavrov-zaiavil-o-stabilnom-oslozhenii-mezhdunarodnykh-otnoshenii>.

мира стали технологическая и «цифровая» революции, меняющие способы общения и сам образ жизни людей.

Пандемия коронавируса, отчасти «замутив воду» и, что называется, заставив «сменить тему разговора» в глобальной политике, стала мощным катализатором всех процессов, запущенных окончанием холодной войны и распадом Советского Союза. Задержавшись на старте в силу того, что продолжалась инерция политики и практики холодной войны со стороны западных элит, эти процессы оказались трансформативно заряженными на финальном участке своего развития. Мы наблюдаем их эндшпиль, и пандемия, подобно «богу из машины» древнегреческих трагедий, приводит к ускоренной развязке комплексной ситуации, напоминающей гордиев узел. Ключевой тренд, который проявился ранее и согласуется с политикой администрации Д. Трампа, — деглобализация с ее ресуверенизацией, усилением роли национальных правительств, закрытием границ и многим другим, что требует переформулирования понятия «национальная безопасность» и переосмысления содержания и параметров мобилизационной готовности государств с отказом от традиционных силовых аспектов и в направлении факторов развития, включая здравоохранение и самодостаточность в обеспечении фармацевтическими препаратами и медицинским оборудованием. Если сравнивать с предыдущим процессом глобализации, который завершился трагедией Первой мировой войны, то есть все основания для оптимизма: на этот раз речь идет о возврате всего и вся в национальные границы без такого насилия, а цели заключаются в том, чтобы выйти из кризиса с наименьшими потерями и раньше других, иначе можно проиграть в «гонке развития» в формирующейся «новой нормальности» и диктуемых ею межгосударственных отношениях.

Глобальная политика: фундаментальные сдвиги

Сегодня не имеют смысла ни возврат к биполярности мира, канувшей в прошлое с окончанием холодной войны, ни некая заведомо провальная модель однополярности, которая на поверку оказалась «однополярным моментом» и которую то и дело пытаются поддержать на плаву, причем не только в военно-политической, но

и в торгово-экономической и технологической сферах, элиты западных стран под лозунгом «либерального порядка», все альтернативы которому якобы заведомо авторитарны, а то и тоталитарны. По сути, речь идет об отказе всех остальных от исторического творчества и пресловутом «конце истории», только в другой обертке. Понятно, что авторы этого порядка далеко не бескорыстны. Они претендуют ни много ни мало на доминирование над другими и, понятно, на собственное существование за счет других. К тому же в нынешнем изменившемся и взаимозависимом мире проблемы развития вышли на первый план для всех государств, включая западные. Именно об этом мощно заявил коронавирус: можно сколько угодно спорить о том, кто выиграл или проиграл войну в формате гонки вооружений, но сейчас нельзя «проиграть мир», то есть «гонку развития», которая будет определять новую повестку дня международных отношений.

Ответ на вопрос о пробивающей себе дорогу новой, рациональной и справедливой архитектуре международных отношений однозначен: это полицентричный миропорядок. Лишь на этой основе, уже успевшей зарекомендовать себя на региональном, да и на глобальном уровнях, политические и экономические игроки могут, как и подобает партнерам, искать решения, выигрышные для всех сторон, — чтобы все они стали победителями, без побежденных и «триумфаторов». Иначе говоря, речь идет о том, чтобы вести дела друг с другом не с помощью ультиматумов, а на основе уважительного поиска баланса интересов. Иного в современной мировой политике и быть не должно, если все отдают приоритет дипломатии как ключевому методу регулирования отношений между государствами. Такой подход проецируется на «основу основ» — экономику в условиях, когда свобода перемещения товаров и услуг достигла небывало высокого уровня, а разного рода санкционные меры, включая технологическое сдерживание Китая, если и имеют экономический смысл, то только в плане ведения недобросовестной конкуренции.

Однако процесс осознания этой, казалось бы, очевидности, совсем не прост. Он наталкивается на неготовность Запада, несмотря на его ответственность за продолжающийся глобальный финансовый кризис, разразившийся в 2008 году, принять новые реа-

лии, на попытки противопоставить ему в разных регионах опасную концепцию «порядка, основанного на правилах», произвольно изобретаемых (и, как правило, никак не артикулируемых), с целью переиграть результаты глобализации и присвоить успехи зарождающегося инклюзивного международного сообщества, которому придется пройти через паузу/коррекцию ресуверенизации. Для этого нам пытаются навязать искусственные узкие форматы поиска решения проблем, отрицая принципы открытости, инклюзивности и плюрализма мнений.

Активно действовать в соответствии с требованиями времени, оперативно отвечать на его вызовы поможет лишь твердая и последовательная опора на оправдавшие себя легитимные международные механизмы, прежде всего ООН с ее Уставом, ставшие продуктом коллективного творчества государств и обеспечивающие надежный инструментарий разрешения труднейших вопросов мирового развития. Кроме того, вслед за ООН возникли и другие, уверенно вошедшие сегодня в практику общения государств и экономик институты, такие как «Группа двадцати», БРИКС, ШОС, АСЕАН, ОДКБ, ЕАЭС. Базовые принципы Устава ООН, а это независимость и суверенное равенство государств, их территориальная целостность и невмешательство во внутренние дела, согласуются с исторически сложившимися нормами межгосударственного общения, восходящими к Вестфальскому миру, который подвел черту под эпохой религиозных войн в Европе.

С этим связана еще одна новая особенность современной обстановки, требующая нашего повышенного внимания, — то, что условно можно назвать регионализацией глобальной политики, вполне соответствует духу и смыслу Главы VIII Устава ООН, которая таким образом раскрывает заложенный в ней основателями Организации потенциал в новых условиях после окончания холодной войны. Этот тренд неизбежен при переходе к полицентричному миру, в рамках которого меняется баланс сил и интересов. Роль кирпичиков такой конструкции сегодня выполняют региональные центры политического и экономического влияния: укрепляются уже существующие в регионах многосторонние институты, появляются новые региональные акторы, повышается роль региональных валют. Именно региональные структуры берут на себя поиск решений

своих проблем в противовес прежней практике, в том числе в эру биполярности, когда решения диктовались интересами внерегиональных гегемонов. Россия с ее уникальной географией евразийской державы призвана сыграть в этом важнейшую роль. Именно под углом данного тренда надо рассматривать положение дел в СНГ и сам этот формат, по существу евразийский. Он вписывается сугубым прагматизмом своих интеграционных процессов в другую актуальную тенденцию — выход на первый план для всех государств проблематики социально-экономического развития.

Новая холодная война?

Многие заявляют, что современная система международных отношений все больше напоминает времена холодной войны. Однако она имеет ряд существенных особенностей, что исключает возможность проведения прямых параллелей между периодом биполярного противостояния и современным этапом. Среди них — значительная роль других «центров силы», в первую очередь Китая, отсутствие идеологического противостояния между Россией и Западом при наличии серьезных угроз безопасности, общих для России и стран Запада. Хотя нельзя игнорировать и попытки части западных элит выстроить новую ось идейного противостояния — «либерализм–авторитаризм», дабы обеспечить себе привычный статус-кво. Но общественное мнение в западных странах в подавляющем большинстве эти потуги игнорирует, поскольку, во-первых, сказывается общее падение доверия к своему истеблишменту, включая экспертное сообщество и традиционные СМИ, а во-вторых, радикально трансформируется сама система политических координат, где на место обычной повестки дня «левые и правые» приходят вызовы глобального характера, прежде всего экологические.

В отличие от эпохи холодной войны, сегодня речь идет об «историческом Западе», который сложился исторически и консолидировался идеологически в силу тогдашних геополитических императивов. Поэтому он, как и все в истории, во многом является переходящим явлением. Уже по состоянию Европейского союза можно судить о том, что даже на нашем континенте растет значение различий, культурно-языковых и иных, а не того, что объединяет. Соб-

ственно, в этом главный источник кризиса ЕС. Такие явления, как Брексит и президентство Д. Трампа, указывают на линию разлома в западном сообществе, которая — в новых условиях и без угрозы новой войны — воспроизводит прежний антагонизм на уровне мироощущения и политической культуры, приведший к двум мировым войнам. По многим проблемам точки зрения США и государств — членов Европейского союза все больше отличаются друг от друга, а нередко вступают в прямой конфликт. Различия в подходах особенно ярко проявляются тогда, когда отсутствует конкретная тема, вокруг которой можно было бы объединиться.

Однако в последнее десятилетие появление так называемых общих угроз, в том числе нарастание конфронтационных тенденций в отношениях между странами Запада и Россией, а теперь и Китаем, способствует поддержанию единства западных стран и «западной солидарности». Другое дело, что это наблюдается на уровне элит и носит искусственный по отношению к реальным проблемам западных стран характер, что существенно ограничивает ресурс такой политики.

Важнейший фактор и в то же время ключевой пункт разногласий внутри американских правящих кругов — это объективные трудности, испытываемые Вашингтоном при реализации своего стремления любой ценой сохранить лидирующую роль в мире. В последнее десятилетие США все острее ощущают конкуренцию со стороны других быстро развивающихся стран, прежде всего в лице Китая. Финансовая, торговая, экономическая, а теперь и военная мощь Пекина медленно, но неуклонно конвертируется в политическое влияние и представляет собой вызов для США, которые претендуют на сохранение своей ведущей роли в международных делах и мировой экономике. Отсюда дилемма: или сохранять прежнюю глобальную архитектуру, а с ней и всю послевоенную внешнеполитическую философию и стратегическую культуру, или разрушать ее, раз она «работает» уже в большей мере на других, и действовать «транзакционно», не разбирая, кто союзники, а кто противники, и переходя в режим ручного управления — в отличие от институционально-нормативного? Трамп-«разрушитель» (disruptor) видит бесперспективность первого и выбирает второе. Поэтому он отказался от проектов Транстихоокеанского партнерства

и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства. Глобализация, авторами и главными идеологами которой были американцы, больше не устраивает американские политические элиты. Лидерство в этой сфере уже в ближайшее время может быть перехвачено Китаем, который, в отличие от США, выступает в роли адепта свободной торговли и глобального рынка, где китайский капитал чувствует себя все более комфортно. Вашингтон реагирует решениями, ведущими к технологическому сдерживанию Пекина. Разумеется, новый вариант изоляционизма отвечает политической культуре Америки, пугает «друзей и союзников» и решает проблему потери империи (*Rex Americana*) лишь на уровне психологического комфорта и самоощущения элит. Единственное рациональное решение — переход к равноправным отношениям с другими ведущими государствами мира, но опыта такого взаимодействия у США никогда не было, а конфронтационные отношения с СССР были вынужденной и исторически обусловленной аберрацией. Чтобы вписаться в глобальный «концерт держав», Америке понадобятся время и неизбежный метод проб и ошибок, что будет одним из ключевых факторов нестабильности в мире в обозримой перспективе.

Силовая политика: «кризис жанра»

Провал попыток Запада разрушить государственность Сирии и Венесуэлы, навязать Украине и другим странам бывшего СССР пронатовский выбор путем поддержки преступных действий различных террористических группировок, противоправной деятельности оппозиции или поощрения западными спецслужбами бандеровских и иных антироссийских структур свидетельствует о кризисе силовой политики Запада. Этот «кризис жанра» говорит о многом, и прежде всего о том, что времена открытого силового вмешательства Запада повсюду в мире проходят: на это нет ни ресурсов, ни тем более оснований, которые могут быть «проданы» общественному мнению самих западных стран — никаких экзистенциальных проблем, как это было в годы идеологической конфронтации, оно не решает. Речь идет об одном из отложенных во времени следствий окончания холодной войны.

Не менее важно и то, что комплексная модернизация Вооруженных сил России, включая создание передовых систем обычных и стратегических вооружений (в формате предсказанного Ж. Бодрийяром малозатратного «технологического маньеризма»), операция ВКС в Сирии, демонстрирующая способность «умного» (smart) ограниченного проецирования силы в поддержку сетевой дипломатии в регионе и усилий по политическому урегулированию, а также украинский кризис показали, что в глобальной силовой политике сформировалась высококонкурентная среда и что России удалось, пожалуй впервые в истории, надежно обеспечить свою военную безопасность впрямую, на несколько десятилетий вперед. То же верно и в отношении военного строительства КНР, с чем США и их ближайшие союзники не могут не считаться. Тем не менее они не оставляют попыток силового диктата в отношении неудобных стран и их правительств. Это подталкивает мир и целые регионы к новой гонке вооружений, подрывает международную безопасность и наносит ущерб стратегической стабильности. В отношениях с Россией Вашингтон ставит во главу угла обеспечение военного превосходства и подрыв стратегического паритета. Нарастают усилия по разрыву глобальной системы ПРО, включая ее позиционные районы в Европе и на Дальнем Востоке, усиливается активность НАТО вблизи российских границ.

Торпедирование Вашингтоном сначала Договора по ПРО, а теперь и ДРСМД создает риск демонтажа всей договорной архитектуры в области контроля над вооружениями. Туманной остается перспектива сохранения Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ-3). США затягивают с ответом на наше предложение договориться о продлении этого договора после истечения срока его действия в феврале 2021 года. Появились признаки раскручивания пропагандистской кампании в США по подготовке почвы для окончательного отказа от Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Вашингтон также вышел (в мае 2018 г.) из Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе, одобренного Советом Безопасности ООН и имеющего огромное значение для ядерного нераспространения. Все это может поставить под угрозу Договор о нераспространении ядерного

оружия (ДНЯО) — ключевой механизм ядерного разоружения и нераспространения. Мир возвращается в реальность, которая существовала до Карибского кризиса октября 1962 года.

В дополнение к этому Вашингтон не исключает размещения оружия в космосе, в том числе в рамках ПРО, отвергая предложение России и Китая договориться об универсальном моратории на такую деятельность, а также начать переговоры по предотвращению размещения оружия в космическом пространстве.

Таким образом, мы являемся свидетелями системной ремилитаризации международных отношений: повышения роли ядерного оружия в доктринальных документах США, снижения порога его возможного применения, появления новых очагов вооруженных конфликтов (в том числе на уровне откровенного «спойлерства», как это происходит с военным присутствием США на северо-востоке Сирии), милитаризации киберпространства. Безответственность американской администрации проявляется и в практических действиях: расширяется и совершенствуется арсенал ядерных вооружений малой мощности, которые нельзя рассматривать иначе как оружие поля боя. Зашкаливает воинствующая риторика президента Д. Трампа. В целом повышаются риски возникновения войны и ядерной эскалации. Причем значительную долю ответственности за это несут не только США, но и их европейские союзники, следующие в русле курса администрации Трампа на подготовку к обычной войне в Европе (согласно Стратегии национальной безопасности, декабрь 2017 г.).

Россия готова к честному, аргументированному диалогу с США и их партнерами на любых площадках по всем назревшим вопросам укрепления глобальной и региональной безопасности, поддержанию стратегической стабильности и реанимации разоруженческой повестки дня. Наши предложения о начале серьезного разговора по всем аспектам стратегической стабильности остаются в силе. Сейчас важно начать стратегический диалог по конкретным угрозам и рискам и искать точки соприкосновения по взаимоприемлемой повестке дня. Как мудро сформулировал выдающийся государственный деятель нашей страны А. А. Громыко: «Лучше десять лет вести переговоры, чем один день — войну».

Региональная политика: Евроатлантика

В последние годы союзники Вашингтона в Европе стремятся играть более самостоятельную международную роль, и эта политика вступает в явное противоречие с намерением США не понижать, а, наоборот, повышать подчиненность своих европейских партнеров, добываясь от них следования курсу, поддерживающему «американское лидерство». Иначе говоря, Вашингтон надеется подтянуть европейские ресурсы для решения американских внешнеполитических задач и лучше контролировать союзников, сохраняя и укрепляя свои позиции в Европе. Раздувание мифа о «российской гибридной угрозе» создает для Вашингтона благоприятные условия, позволяя под этим предлогом дисциплинировать союзников. Отсюда — стремление США поссорить страны ЕС с Россией посредством введения санкций, их участия в усилиях, направленных на демонизацию России и на то, чтобы «поставить ее на место». Пять лет спустя после острой фазы конфликта на Украине, в условиях мирового кризиса такая тактика уже не срабатывает в самом западном сообществе. Об этом свидетельствуют встреча президентов В. Путина и Э. Макрона в Брегансоне в августе 2019 года и все громче раздающиеся голоса в пользу стратегической автономии Европы вообще и от «Америки Трампа» в частности. Серьезным пунктом разногласий между союзниками стал выход США из многостороннего соглашения по урегулированию проблемы ядерной программы Ирана (Совместный всеобъемлющий план действий — СВПД).

Отказ избирателей поддержать проект европейской Конституции, долговой и миграционный кризисы, Брексит в условиях последствий так называемого пятого расширения 2004 года предопределили, по крайней мере на обозримое будущее, лимит дальнейшего развития Европейского союза в качестве наднационального объединения. Стало ясно, что как углубление интеграции, так и дальнейшее расширение рядов ЕС может поставить под вопрос само существование Союза.

Итоги британского референдума по Брекситу стали тяжелым ударом для руководства Евросоюза. Впервые возможность развития дезинтеграционных тенденций в ЕС из теоретической плоскости

перешла в практическую. Особое беспокойство в Брюсселе вызывает тот факт, что Брексит был логическим продолжением упоминавшихся выше кризисных явлений в развитии Европейского союза. Выход Великобритании из Евросоюза демонстрирует хрупкость всей европейской интеграционной конструкции, что обусловлено качественно изменившейся глобальной и региональной средой, а также тем, что в результате политизированного расширения после введения евро был упущен интеграционный момент, а с ним и время. По существу, интересы европейской интеграции были принесены в жертву расширению НАТО (так называемое двойное расширение), так как для целого ряда новых членов Альянса главным призом при вступлении в него была перспектива реализации их экономических интересов.

В этих условиях появление общей для всех «угрозы» в виде, например, «российской агрессии» или «дела Скрипалей» становится способом сплочения всех стран — участниц ЕС. К тому же в результате действия принципа консенсуса ЕС оказался в зависимости от позиции восточноевропейских государств, недружественно настроенных по отношению к России («ловушка консенсуса», о которой в свое время предупреждала Москва). Эти же страны — так называемая Новая Европа — используются Вашингтоном для давления на ведущие европейские государства в своих интересах, включая продвижение своего сланцевого газа.

Относительно дальнейшего развития ЕС существуют разные прогнозы. Одни специалисты полагают, что Союз уже в ближайшие годы может подвергнуться демонтажу до Общего рынка, и ярким примером этой тенденции служит Брексит. Другие считают, что развитие пойдет по пути постепенного расширения еврозоны, углубления взаимодействия внутри нее, создания новых органов управления (правительство, министр финансов), банковского и фискального союзов, коллективизации долговых обязательств и принятия общей экономической политики. В этом плане многое будет зависеть от Берлина, который получает наибольшие преимущества от зоны евро и соответственно больше всех потеряет от ее развала (возвращение марки грозило бы Германии с ее зависимостью от экспорта экономической катастрофой). Как бы то ни было, в обозримой перспективе ЕС не сможет превратиться в активного геополитиче-

ского игрока, возможность для чего могли бы предоставить нормализация политических отношений с Москвой и развитие евразийского вектора международного позиционирования единой Европы.

Если придать евроинтеграции второе дыхание, но уже на основе реалий мира после окончания холодной войны, а не продолжения ее политики в качественно изменившейся среде, то как минимум потребуются смена курса и комплексная переоценка всей европейской и глобальной политики.

Примером может служить Украина. Этот проект, по сути своей идеологический, не имеющий ничего общего с экономическими и интеграционными императивами Европы, оказался чрезмерно затратным, а материал — неблагодарным. Ввязавшись в идеологические войны прошлого, когда и противника уже нет, так как Россия вышла из этих «больших игр» еще 30 лет назад, ЕС к тому же пошел на поводу у США, если верить экс-вице-президенту Дж. Байдену. Отсюда еще один вывод: западный альянс как приводной ремень американской внешней политики и пресловутая западная солидарность изжили себя и потеряли свой прежний *raison d'être*. Для «просветления» Европе понадобились Брексит и Трамп. Но идейное противостояние, — а нынешние европейские элиты, в отличие от прежних поколений политиков, не помнят холодной войны и знают только «однополярный момент» с его тезисом о конце истории, — диктует логику борьбы за выживание некоего «либерального порядка» внутри и вовне.

Фатальная нехватка воображения, неспособность к свежему взгляду на вещи привели к кризису элит и самих партийно-политических систем. Их внешний признак — рост популярности внесистемных партий и движений. Падение доверия к элитам, обслуживающим их традиционным СМИ и экспертному сообществу указывает на изношенность такого ресурса манипулирования электоратом, как политтехнологии, выхолащивающие сам политический процесс и утверждающие безальтернативную, усредненную политику на протяжении последних 30 лет. Лишенное своего представительства в парламентах «молчаливое большинство» выходит на улицы, как это делают «желтые жилеты» во Франции, голосует за Брексит в Великобритании и за внесистемные партии в остальных странах ЕС.

Нет сомнений в том, что выход Великобритании из ЕС, состоявшийся 31 января этого года, если и не ставит по-новому вопрос о назревшем обновлении всей европейской политики, обремененной институтами и стратегиями ушедшей эпохи, — а все они оказались заточенными на пресловутое «сдерживание России», — то, по крайней мере, намекает на такую необходимость. Разумеется, без англичан, обустроивавших себе в ЕС особое место (вне Шенгена и зоны евро) и ставивших палки в колеса интеграционного процесса, континентальная Европа будет более свободно двигаться дальше по пути углубления интеграции. Вопрос в том, насколько «остальная Европа» готова к этому. Многое будет зависеть от франко-германского тандема/мотора, который пребывает далеко не в лучшей форме. Между Парижем и Берлином на этот счет серьезные разногласия. Если Э. Макрону нечего терять, то политически усталой «большой коалиции» в ФРГ практически невозможно сменить курс и подписаться на создание полноценного банковского союза, включая коллективизацию долговых обязательств, фискального союза и общей экономической политики. Без этого, по мнению большинства экономистов, еврозона долго не продержится и будет идти от кризиса к кризису.

Германия со своей экономикой, ориентированной на экспорт, привлекает наибольшие преимущества из существования валютного союза. В Евросоюзе просто нет места для второй такой экономики. Поэтому трудно не согласиться с теми немецкими экспертами и обозревателями, которые квалифицируют еврозону как «случайную империю Германии» или «Четвертый (экономический) рейх». Как известно, за империю надо платить, чего нынешние немецкие элиты пока не хотят понять, застряв в иллюзии внеисторического существования, где категории всего предшествовавшего исторического опыта вроде как неуместны. Будущее покажет, смогут ли немецкие элиты трезво оценить ситуацию и разрешить дилемму — или резкая смена курса в сторону углубления интеграции (пусть с урезанной географией еврозоны), или развал валютного союза с катастрофическими последствиями для своей экономики.

Рецессия уже обозначилась в экономике ФРГ и ЕС, а крах еврозоны означал бы резкий рост курса марки (как минимум в два раза по отношению к евро). Трамп никогда не скрывал, что видит в Гер-

мании — наряду с Китаем — главного торгово-экономического конкурента, а евро рассматривает как своего рода «марку в овечьей шкуре», то есть способ манипулирования Берлином курсом своей валюты. Можно ожидать, что как только Вашингтон «разрешит» свои ближайшие противоречия с Пекином, он вплотную займется возобновившимся в Европе Германским вопросом. Скорее всего, это произойдет после ожидаемого переизбрания Трампа на ноябрьских выборах сего года. До этого стратегия развязывания торговых и валютных войн будет сохраняться, дабы не допустить обвала фондовых рынков и заручиться участием ЕС в технологической изоляции Пекина, прежде всего в сфере информационных технологий (Huawei и др.).

Затем надо будет учитывать то, как будет разыгран англосаксами фактор Брексита в оставшееся до 1 января 2021 года время, то есть в переходный период, который отведен по Соглашению о выходе из ЕС на переговоры между Лондоном и Брюсселем о формате будущих постоянных отношений между ними и который Б. Джонсон не намерен продлевать, что закреплено в соответствующем законе. Лондон высказывается в пользу соглашения о свободной торговле по образцу документа, недавно подписанного ЕС и Канадой. Параллельно Вашингтон намерен провести переговоры о заключении двустороннего торгового соглашения с Великобританией (об этом заявил в январе министр финансов США С. Мнучин), что трудно расценивать иначе, как попытку поддержки «британских кузенов» и давления на ЕС. Конечно, между партнерами по «особым отношениям» будут оставаться существенные разногласия, вызванные в том числе решением Лондона допустить Huawei к ограниченному участию в создании национальной сети 5G-связи и его нежеланием пропустить на свой рынок американскую курятину, обработанную хлором.

Как заявил глава переговорной команды ЕС М. Барнье, для Брюсселя наиболее важно сохранить равные условия конкуренции с Великобританией («level playing field»), то есть чтобы Лондон отказался от таких мер, как понижение налогов на бизнес (что администрация Трампа уже сделала два года назад). Соответствующее положение по настоянию Б. Джонсона было перенесено из юридически обязывающего текста Соглашения о выходе в Политическую

декларацию о намерениях сторон в отношении характера их будущих отношений.

Таким образом, в Евроатлантике формируется прежний антагонизм между англо-американцами и немцами / континентальной Европой, который на этот раз приобретает сугубо коммерческий характер. Другое свидетельство тому — упорное стремление Вашингтона, вопреки ясно выраженной воле Берлина, «остановить» реализацию проекта «Северный поток — 2». Примечательно, что это происходит на общем фоне ухода США в неоизоляционизм, в том числе в форме «транзакционной дипломатии», которая противостоит сложившемуся международному правопорядку с его общими для всех нормами и обязательствами. Очевидно, что кардинально меняется облик самой Европы. Трудно не согласиться с Федором Лукьяновым, который полагает, что «Европа, выстрадавшая и придуманная после катастроф первой половины прошлого столетия, заканчивается».

Однако проблема для Европы и всей европейской политики значительно глубже. В докладе на очередной Мюнхенской конференции по безопасности, который был призван запустить дискуссию, была сделана ссылка на широко распространенное мнение о «загнивании Западного проекта». В предисловии к докладу В. Ишингер упоминает работу О. Шпенглера столетней давности «Закат Западного мира». В ней, в частности, содержится прогноз, что в 2000–2200 годах на Западе будет наблюдаться «все более примитивный характер политических форм», а после 2200 года предсказывается «медленное проникновение первобытных состояний в высокоцивилизованный образ жизни». История XX века и века нынешнего, в особенности фашизм и нацизм, показывает, что произошло ускорение и оба тренда смешались. С этим надо что-то делать. Решать проблемы Запада придется в рамках всей Европейской цивилизации, для чего потребуется восстановить ее давно утерянное единство.

В этом контексте назрел кардинальный пересмотр со стороны ЕС своей инерционной политики в отношении России. Отношения «ЕС–Россия» оказались на нуле, их дальнейшая деградация вряд ли возможна. Поэтому правы те эксперты, которые считают, что строительство позитивных, устремленных в будущее отноше-

ний с Россией возможно только на основе общих интересов и никак не ценностей. Дело за Евросоюзом, собственные проблемы которого, наверное, легче бы разрешались/купировались в более широких, общеевропейских рамках с участием «остальной Европы» и прежде всего России. В пользу прагматизма говорит и то, что общими для всех государств, включая западные, стали проблемы развития. Коронавирус, обнаживший отсутствие в ЕС солидарности в вопросе столь же гуманитарном, сколь и экзистенциальном, также побуждает мыслить категориями более широкой Европы. Предметом серьезных разногласий стал вопрос о том, как финансировать поствирусное восстановление в экономике ЕС (порядка 500 млрд евро на первом этапе): Германия и другие страны севера Европы готовы делать это только через бюджет ЕС, тогда как Италия и Испания при поддержке Франции высказываются за выпуск «коронабондов» под коллективное обеспечение Союза. Многое для будущего евроинтеграции будет зависеть от того, пройдет ли эта первая попытка коллективизации долговых обязательств.

Восстановление политического единства Европы ставит вопрос о будущем всей натоцентричной архитектуры европейской безопасности, перенесенной из прошлой эпохи со своими традициями и порядками, включая политику сдерживания, без существенных перемен и в ущерб общеевропейским институтам, таким как ОБСЕ, которая до сих пор не имеет своего устава. Наряду с НАТО в этом повинен и ЕС, действующий как «блок голосования» в региональных организациях и навязывающий свои позиции и свою нормативную базу (*acquis communautaires*) всем остальным, апеллируя к ее «продвинутости» и принципу большинства. Растет понимание того, что эта система, давшая сбои в периоды косовского, кавказского и украинского кризисов, нуждается в коренной трансформации в направлении обеспечения на континенте равной безопасности для всех, принципа ее неделимости.

Претензия нынешних европейских элит на универсальность своих ценностей не только отрицается на политической практике их собственным электоратом, но и прямо противостоит базовым постулатам постмодернизма, извлекающего уроки из все тех же европейских трагедий XX века. С концом не истории, а метанарративов в их идеологическом обличье в европейской политике

наступает время прагматичных подходов, общим знаменателем которых могут служить лишь проверенные веками базовые ценности межгосударственных отношений, закрепленные в Уставе ООН. Собственно, подтвердить приверженность им и могли бы лидеры пятерки постоянных членов Совета Безопасности ООН на встрече, с инициативой проведения которой выступил Президент РФ В. В. Путин.

Глобальная экономика: геоэкономика?

Роль исторического Запада в глобальных процессах экономического развития прослеживается на примере эволюции соотношения его консолидированного ВВП с объемом глобального ВВП, который, по прогнозным оценкам МВФ, должен был составить в 2019 году порядка 87 трлн долларов (увеличение в 8 раз по сравнению с уровнем 1980 г.).

Так, с начала 2000-х годов доля ВВП США и стран Западной Европы характеризуется поступательным снижением. Доля США в мировом ВВП за последние десять лет снизилась на 3,8 процентных пункта, Западной Европы — сократилась более чем на 7 %. Если ранее западноевропейский регион обеспечивал около трети мирового производства, то к настоящему времени — лишь его пятую часть.

При оценке ВВП по паритету покупательной способности США уже переместились в 2016 году на второе место в мире с долей в размере 15,4 %, а на КНР при таком подсчете приходится 17,8 % мирового ВВП.

При сохранении текущих тенденций в мировой экономике, прежде всего динамичного роста развивающихся стран Азии, в частности КНР, в среднесрочной перспективе с высокой долей вероятности следует ожидать снижения роли США и Западной Европы в глобальных экономических процессах. Ожидается, что доля Китая в общемировом ВВП в ближайшие годы приблизится к уровню 15 %. По данным издания «Мировые финансы» (global-finances.ru), за последние 20 лет ВВП КНР увеличился в 12 раз и составил в 2018 году почти 13,5 трлн долларов. В результате по этому показателю Китай еще в 2007 году превзошел Германию, а в 2010-м — Японию.

Однако развязанные США торговые и валютные войны, экономические санкции в обход СБ ООН, ситуация с Брекситом могут внести некоторую коррекцию в данные прогнозы. Тем не менее, ослабление роли Запада и его влияния на общемировые экономические процессы продолжится и должно учитываться субъектами экономики.

Текущая ситуация в мировой экономике характеризуется нестабильностью и непредсказуемостью, проявляются тенденции экономической деглобализации. «Экономический эгоизм», попытки подмены международного права «порядком, основанным на правилах» несут угрозы многосторонней торговой системе, провоцируя кризис ее основного регулятора — Всемирной торговой организации (ВТО). Все это обострилось в контексте глобальной рецессии, усугубленной пандемией коронавируса, из-за которой западным странам предсказывают спад в 2020 году приблизительно на 5–7 %, тогда как Китай сохранит рост, но на уровне всего лишь 1,2 %.

Фундаментальные принципы недискриминации и обеспечения доступа на рынки активно подвергаются эрозии и фактической ревизии. Действия США, их расширяющиеся антиконкурентные практики изменяют конфигурацию мировой торговли, грозя разрушить саму основу современной многосторонней торговой системы. Как отмечал недавно в своем блоге ведущий экономический обозреватель газеты «Financial Times» Мартин Вулф (ft.com/martin-wolf), «китайские позиции по многим пунктам (торговых разногласий с США) верны», а «фокус США на двусторонних дисбалансах экономически неграмотен». Более того, «почти все действия администрации Трампа в области торговой политики нарушают правила ВТО, факт, косвенно подтверждаемый ее решимостью разрушить систему урегулирования споров».

Под угрозой находятся основные функции ВТО — обеспечение переговоров и урегулирование споров. Пересмотр рядом стран правил игры «под себя», тенденции к заключению региональных торговых соглашений в противовес многосторонним, стагнация переговорного процесса и разрешения споров в рамках ВТО диктуют необходимость срочных шагов по укреплению роли и эффективности организации, ее модернизации посредством содержательного и институционального внутреннего реформирования.

Поддержку проведению реформы ВТО подтвердили на своей встрече в июне 2019 года в Осаке руководители стран, входящих в «Группу двадцати».

Энергетика

Развитие новых технологий в добыче и использовании углеводородных ресурсов, энергосбережение, динамика мировых цен, стремление регионов и отдельных стран к повышению или достижению самодостаточности в энергоресурсах приводят к стремительным преобразованиям на мировых и региональных энергетических рынках, изменению энергетических балансов стран.

По прогнозным оценкам, мировое потребление энергоресурсов в ближайшие 30 лет может увеличиться почти на 60 % по сравнению с началом 2000-х годов.

Россия активно вовлечена в процесс международных «энергетических» отношений. Усилия энергетической дипломатии способствуют минимизации последствий вызовов, с которыми сталкивается Россия в рамках современного развития мировой энергетики. Все чаще конкретные вопросы международного энергетического сотрудничества становятся предметом специальной дипломатической проработки.

Достигнутое в свое время благодаря исполнению соглашения ОПЕК+ равновесие на рынке нефти оказалось довольно хрупким. Оно рухнуло, когда его участникам не удалось договориться о размерах снижения добычи в порядке ответа на снижение на одну треть глобального спроса на нефть вследствие пандемии коронавируса. Лишь 12 апреля под давлением Вашингтона, пригрозившего Эр-Рияду (уже в который раз попытавшемуся «убить» своего главного конкурента — сланцевую отрасль Америки) санкциями, и с участием Москвы удалось договориться о снижении добычи на 9,7 млн баррелей в сутки на период двух лет, начиная с 1 мая 2020 года. Хотя «Двадцатка» одобрила эту сделку, неясной остается судьба снижения добычи нефти третьими странами, включая США, Канаду и Бразилию (предполагалось, что они сократят добычу на 5 млн баррелей в сутки). Общее падение спроса на летний период без учета достигнутых договоренностей прогнозируется

на уровне 18,5 млн баррелей. Все это грозит дальнейшими осложнениями, что доказала последовавшая волатильность на рынках, когда цена на нефть входила в зону отрицательных значений. Сказывалось и то, что заполнялись все нефтехранилища, а стоимость фрахта возросла в 8–10 раз. Как бы то ни было, следствием ситуации стало создание неформальной энергетической «тройки» в составе США, России и Саудовской Аравии.

Развитие и совершенствование технологий добычи сланцевой нефти и сланцевого газа, в первую очередь в США (объем строящихся там и уже законтрактованных мощностей по сжижению составляет порядка 90 млрд куб. м в год), может при соответствующем уровне цен показать прирост и вновь дестабилизировать энергетический рынок. И хотя финансовая и инвестиционная устойчивость сланцевой отрасли вызывает сомнения, складывающиеся изменения в энергобалансе и на региональных рынках, порождаемые «сланцевой революцией», являются вызовом, меняющим энергетическую картину мира и «правила игры».

Санкции — недобросовестная конкуренция

Конкуренция государств в сфере международных экономических отношений продолжает стремительно нарастать. В ход идут любые формы борьбы, включая неприкрытое давление и санкции.

Бесспорным «чемпионом» по применению санкций являются США. Согласно исследованию Института международной экономики Петерсона (США), в период 1970–2014 годов в мире зафиксирован 161 эпизод использования экономических санкций, из которых Вашингтон участвовал в 111, причем в 54 случаях без поддержки других стран. На данный момент санкции США действуют, по крайней мере, в отношении 20 стран.

Санкции редко приводят к достижению поставленных целей. Так, за период 1970–1996 годов наложенные США ограничения достигли официально заявленных целей лишь в 13 % случаев. Вашингтон все чаще стремится вовлечь в орбиту применения рестрикций другие государства, прежде всего союзников по НАТО и страны — члены ЕС.

Особое место в санкционной практике занимают «экстерриториальные» ограничительные меры. Расширяется спектр финансовых механизмов, включая вторичные санкции против банков (здесь реализуется контроль США, в том числе через привилегированный статус доллара, над глобальной валютно-финансовой системой), и повышается значение ограничений на передачу технологий. Принятый в США в 2017 году закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (Countering America's Adversaries Through Sanctions Act — CAATSA) подтверждает наметившуюся тенденцию. Закон накладывает дополнительные ограничения на Иран, Северную Корею и Россию, позволяет вводить санкции в отношении их партнеров по всему миру.

Повестка дня мирового развития

В настоящее время «повестка развития» (а это прежде всего значимый экономический рост, сопряженный со снижением социально-экономических диспаритетов и имущественного неравенства, увеличением занятости) стала центральным направлением политики всех без исключения стран — членов мирового сообщества. (Косвенное подтверждение данного тренда — учреждение в ведущих университетах Западной Европы, США и Японии научно-исследовательских центров проблем развития, объектами изучения в которых являются не только переходные общества, как это было ранее, но и промышленно развитые страны.) Новую парадигму экономического развития еще предстоит сформулировать. Пока же предлагаются следующие меры: реиндустриализация развитых обществ за счет возвращения производств «домой» (в той мере, в какой это реально возможно); программы (с активным участием государства) подготовки и переподготовки квалифицированной рабочей силы; стимулирующие меры индикативного характера для конкретных отраслей, предполагающие повышение их конкурентоспособности в условиях обостряющейся конкуренции; усиление протекционизма; прогрессирующее увеличение финансирования инновационных отраслей и обеспечивающих их расширенное воспроизводство НИОКР (в русле превращения науки в непосредственную производительную силу) и др.

Свое воздействие на всю жизнь современного общества, а не только экономику, окажет пандемия, ее трагический опыт, включая самоизоляцию и социальное дистанцирование. Это будут и отмена «смерти расстояния», и удаленная работа с перспективой «смерти офиса», бесконтактная торговля, снижение роли человеческого фактора в экономике, разрушение глобальных производственных цепочек и репатриация производства/бизнеса, возрастание роли государства в экономике, большая социальная ответственность бизнеса, фокус на здоровье человека и многое другое.

Перед миром — как развитым, так и развивающимся — стоит проблема занятости трудоспособного населения. По расчетам экспертов ООН, в ближайшие годы по всему миру необходимо создать не менее 600 млн рабочих мест, причем не только в развивающихся странах. От эффективного разрешения возможного «кризиса занятости» напрямую зависит устойчивость политических систем в подавляющем большинстве государств мира, а также смягчение остроты продолжающихся и формирующихся локальных и региональных конфликтов. Четвертая промышленная революция, предвестниками которой являются роботизация и искусственный интеллект, способна в ближайшее время сократить «армию труда» (прежде всего в странах «золотого миллиарда») не менее чем на 75 млн рабочих мест. На повестке дня встает вопрос о введении всеобщего прожиточного минимума. Движение развитых экономик по такой траектории может усилить внутреннее напряжение в обществах Запада и иметь следствием дальнейшее укрепление сил, выступающих с радикально-популистских позиций. Тесно переплетаясь с сохранением (а возможно и нарастанием) кризисных явлений в мировой политике, новая реальность может стать движущей силой глубокой качественной перестройки партийно-политических систем стран — лидеров мировой экономики с перспективой интенсификации как хаотических, так и реактивно-авторитарных тенденций. Среди западных стран в данном отношении определенное преимущество (прежде всего конкурентное) сохраняют США и Великобритания, которым удается управлять трансформационными процессами в рамках существующих ведущих политических сил: «революцию Трампа» «приютила» Республиканская партия, а Брексит взяли под свое крыло консерваторы.

Поскольку на первый план для всех стран выходят проблемы развития, для единения мирового сообщества на этой основе создаются уникальные условия, тем более очевидно, что в глобализирующемся мире проблемы развития одних стран переходят в другие потоками беженцев, угрозой терроризма, эпидемиями, деградацией окружающей среды, изменением климата и тому подобным, обостряя уже их собственные проблемы развития. Раздельное существование государств и групп государств стало невозможным, как ни пытайся повернуть процесс глобализации вспять, хотя возможны откаты и паузы, в том числе в порядке перегруппировки для движения по этому пути уже на новой основе. Новая повестка дня мирового развития требует преодоления старой с ее силовой составляющей, сложившейся в прошлую эпоху и диктуемой логикой всего предшествующего развития человечества (рабовладение, колониализм, империализм, национализм и идеологическая конфронтация). Требуется свежий взгляд на состояние и задачи международных отношений, включая содействие международному развитию, который позволил бы выйти на подлинно коллективные и устойчивые решения существующих и будущих проблем и вызовов.

Как никогда прежде, о себе заявляет деградация окружающей среды, что требует ускоренного развития «зеленой экономики», включая производство «органических продуктов», то есть отвечающих принципам поддержания биологического разнообразия, устойчивого развития, поддержания плодородия почвы, использования возобновляемых ресурсов и т. д. Видимо, настало время принять в Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН «зеленый стандарт» (green line) на продукты питания, которые выращены на «чистых» удобрениях с низким содержанием тяжелых металлов и предельно низким использованием пестицидов. По этому пути уже пошли Россия и страны Западной Европы в части удобрений.

В этом смысле огромным потенциалом для всего мирового сообщества обладает Россия с ее запасами пресной воды, сельскохозяйственными угодьями и лесами. К ним можно отнести и такие элементы нашего традиционного культурно-цивилизационного кода, как открытость, инклюзивность и плюрализм, уже обеспечивающие нам преимущество в мировой дипломатии, поле которой расширяется по мере того, как сжимается пространство силовой политики.

Не раз в своей истории Россия играла сводящую, модеризирующую роль в мировых и европейских делах (чего стоит один процесс деколонизации!). Такая дипломатическая политика востребована вновь, теперь уже и в сфере устойчивого развития, включая энергетику.

Успешное внутреннее развитие, которое всегда служило конечным внешнеполитическим ресурсом, обретает абсолютное значение и одновременно безусловное международное измерение: только всеобщий прогресс может быть действенным залогом развития каждого. Это придется понять всем: это та пропасть, в которую можно не смотреть, но она все равно будет смотреть на нас. Если чему-то и учит опыт последних 30 лет, прошедших после окончания холодной войны, то, наверное, этому.

Вопросы и ответы

Любовь ТАРАСЕНКО, III курс, факультет конфликтологии:
— *Александр Владимирович, Вы считаете, что пандемия коронавируса стала мощным катализатором глобальных политических процессов, запущенных окончанием холодной войны и распадом СССР. В чем заключается влияние пандемии?*

— Как всегда, многое зависит от контекста. Пандемия пришлась на эндшпиль трансформации мира после окончания холодной войны. Эта трансформация продолжается уже 30 лет. Эндшпиль же чреват ускорением, а пандемия возводит его в квадрат. Прежде всего речь идет о деглобализации, то есть сосредоточении государств на собственных делах, которые требовали подходов, адекватных резко изменившейся реальности, а не инерции, в том числе интеллектуальной, исходящей из мира «однополярного момента», которого уже нет. Здесь этапными событиями были глобальный финансовый кризис 2008 года, украинский кризис 2014 года; военное вмешательство России в гражданскую войну в Сирии в 2015 году перед лицом джихадистской агрессии, поддержанной США и их региональными союзниками. Кроме того, в 2016 году размер ВВП Китая превысил ВВП США по паритету покупательной способности, а 1 марта 2018 года российский президент В. В. Путин объявил

о создании в России новых высокотехнологичных систем стратегических вооружений, включая гиперзвуковые.

Не следует забывать, что деглобализация — заявленная цель политики администрации Д. Трампа, а это требует радикального переосмысления и пересмотра всей американской послевоенной политики, сопоставимого с тем, какого потребовали итоги Второй мировой войны. Это касается основ мирового экономического порядка и всей системы военных союзов, включая НАТО. Налицо тенденции к автаркии и самодостаточности, и здесь лидирует Америка.

По сути то же самое происходит в Евросоюзе. Предстоит ресувенинизация, к которой давно призывает протестный электорат и все последствия и алгоритмы которой пока трудно предвидеть. В любом случае перед нами мощное напоминание о том, что мы имеем дело с нелинейными процессами.

По вопросам в рамках общих вызовов международное сотрудничество сохранится, но на более внятной, межгосударственной и равноправной основе. Здесь тоже предстоит переоценка ценностей в сугубо прагматическом ключе и в духе реализма, не обремененного прежними идеологическими предрассудками. Однако это взаимодействие будет строиться на более глубокой основе с учетом национальных интересов и потому будет более прочным и устойчивым. В связи с этим требуется переформулирование национальных интересов, что потребует времени и смены западных элит, которым их избиратели предъявят счет, в том числе и за реакцию на коронавирус.

Александр АБДУЛЛОЕВ, III курс, факультет конфликтологии:
— *Как Вы можете прокомментировать снижение стоимости майских фьючерсов на нефть до отрицательных значений впервые в истории? В чем причина — во влиянии пандемии или в манипуляциях рынком?*

— Снижение майских фьючерсов на нефть было изолированным явлением, затронувшим лишь лондонскую биржу в части WTI. Это произошло накануне закрытия фьючерсных контрактов (21 апреля) и в условиях заполнения нефтехранилищ и резкого роста фрахта (в 8–10 раз) танкеров, которые уже использовались для хране-

ния нефти. Оказалось более выгодно доплачивать покупателям до 40 долларов, чем пытаться куда-то пристраивать нефть в этих беспрецедентных условиях. Рынок есть рынок, и стремительное развитие событий на нем чревато любыми непредсказуемыми ситуациями.

К тому же договоренности ОПЕК+ о снижении добычи нефти на 9,7 млн баррелей в день вступили в силу только 1 мая, после чего цена на нефть в целом вернулась к значениям в районе 25 долларов. Другое дело, что сезонное падение спроса нынешним летом превысит указанные объемы снижения добычи.

Михаил ВЛАСОВ, III курс, факультет конфликтологии: — *В условиях пандемии коронавируса европейские страны пока не смогли найти общий язык по поводу поствирусного восстановления экономики ЕС. Как Вы считаете, сможет ли Европа договориться по этой проблеме, или решение этого вопроса станет очередным шагом к конфронтации между европейскими странами?*

— На саммите в конце апреля лидеры стран ЕС в принципе договорились о пакете помощи в 540 млрд евро «в привязке к текущему (семилетнему) бюджету». На этом настаивал Берлин и другие северные столицы. Как это будет реализовано, предстоит решить брюссельским чиновникам. Не прошло предложение Италии выпустить евробонды под коллективную ответственность стран еврозоны. Это подтвердило, что вопрос коллективизации долговых обязательств остается наиболее актуальным на повестке дня. Европейский центральный банк также рассчитывает мобилизовать инвестиции в размере 1 трлн евро. Словом, противоречия остаются и трудно предсказать, как и когда они разрешатся. Нет сомнений в том, что пандемия привела к их обострению.

Ксения МИТРОФАНОВА, III курс, факультет конфликтологии: — *Какие принципы, по Вашему мнению, должны быть положены в основу архитектуры современных международных отношений?*

— Архитектура международных отношений должна выстраиваться на проверенных временем принципах, закреплённых в Уставе

ООН, то есть на суверенном равенстве сторон, их независимости и невмешательстве во внутренние дела друг друга. Все это предполагает право самостоятельно формулировать свои национальные интересы, взаимное уважение между странами и сотрудничество на основе взаимной выгоды. Ввиду необходимости противодействия общепланетарным вызовам, таким как изменение климата, можно предполагать и признание такого принципа, как общечеловеческая солидарность, который придет на смену прежним идеологическим мотивам. Но для этого должны созреть элиты всех государств, прежде всего западных, что потребует времени. Надо полагать, в частности применительно к США, что прежде должны быть исчерпаны ресурсы индивидуального реагирования на них.

Светлана МАРЧЕНКОВА, III курс, факультет конфликтологии: — *В чем, по Вашему мнению, заключается неготовность Запада принять новые реалии современной системы международных отношений?*

— Запад, точнее его элиты, остается в плену прежних идеологических предрассудков, основанных на последовательном (на протяжении пяти столетий!) установлении его доминирования в глобальной политике, экономике и финансах. Эти предрассудки проявляются, в частности, в претензии на универсальность западных ценностей, хотя сейчас они оказались под вопросом в самих этих странах. Тут вступает в силу политическая психология, поскольку требуется адаптация к фундаментальным переменам, и прежде всего признание культурно-цивилизационного многообразия мира. Мир всегда был многообразен, но лишь сейчас вызрели экономические и военно-политические условия для признания и реализации этого качества в мировых делах. Запад противостоит этому тренду, в том числе настаивая на ценностях, не предусмотренных универсальными инструментами ООН, принятыми в период до середины 1960-х годов, и вводя односторонние, в обход СБ ООН, санкции против других государств.

Никита ДУЛИНАЕВ, II курс, факультет конфликтологии: — *Вы считаете, что при переходе к полицентричному миру, в рамках ко-*

торого меняется баланс сил и интересов, повышается роль региональных валют. Означает ли эта тенденция ослабление позиций единой европейской валюты? И каковы Ваши прогнозы на ее дальнейшее существование?

— Верно то, что элементом деглобализации является регионализация мировой политики и экономической жизни. Это необязательно ведет к появлению региональных валют наподобие евро (оно скорее является исключением), так как зона единой валюты требует очень высокого уровня интеграции. Скорее, можно ожидать использования в качестве таковой валюты одной из региональных держав.

Что касается евро и его будущего, то главная проблема состоит в том, что было упущено время на углубление интеграции, то есть создание банковского и фискального союзов, унификацию экономической политики и коллективизацию долговых обязательств, за счет чего ЕС должен превратиться в конфедерацию. Однако вместо этого 20 лет после введения евро ушли на политизированное (в тандеме с НАТО) расширение, что добавило противоречий уже по линии «запад–восток» в дополнение к антагонизму «север–юг». На углубление интеграции пока не готова идти Германия, извлекающая наибольшие выгоды из единой валюты. Трамп считает евро способом манипулирования Германией курсом своей валюты — германская марка «в овечьей шкуре» (ее курс был бы в два раза выше, чем евро, что означало бы экономическую катастрофу для страны, зависящей от экспорта). Скоро Берлину придется определяться с будущим своего «Четвертого (экономического) рейха» (признание самих немецких экономистов), и тогда будет видно, выживет ли еврозона или ее и весь ЕС ждет демонтаж, скажем, до общего рынка. Пандемия эту дилемму только обострит.

Юлия МОКЛОКОВА, III курс, факультет конфликтологии:
— *В чем, на Ваш взгляд, заключаются основные причины конфронтационных тенденций в отношениях между странами Запада и Россией?*

— Основная причина напряженности в отношениях Запада и России состоит в том, что Запад не готов признать равенство

с Россией, по существу, настаивая на том абсурдном требовании, что она должна «вступить в западное сообщество» на его условиях, то есть перестать быть самой собой. Об этом противоречии писал еще Ф. Тютчев в своем незаконченном трактате «Запад и Россия». Более того, в современных условиях отличность России от Запада служит частью, причем географически ближайшей (также с опорой на солидный оборонный потенциал), более широкой проблемы культурно-цивилизационного многообразия мира. Другими словами, проблема в том, что Запад настаивает на универсальности своих ценностей как основы отношений и не готов к подлинной свободной конкуренции, то есть в условиях демонтажа своего глобального доминирования, своей империи.

Евгений КИРИЛЛОВ, III курс, факультет конфликтологии:
— *По Вашему мнению, России удалось надежно обеспечить свою «военную безопасность впрок». В чем это заключается и каким образом Россия смогла это сделать?*

— России удалось обеспечить свою военную безопасность на десятилетия вперед, о чем говорил президент В. В. Путин, благодаря модернизации своих вооруженных сил в период после Мюнхенской речи Путина (февраль 2007 г.) и кавказского кризиса августа 2008 года. Это включало заочную гонку стратегических и обычных вооружений, итоги которой подвел российский лидер в своем Послании Федеральному собранию 1 марта 2018 года. По признанию западных экспертов, в том числе американских официальных лиц и военных, Россия ее выиграла. Это исключает развязывание против нашей страны как ядерной, так и обычной войны в обозримой перспективе. У Запада уйдут годы на то, чтобы нас догнать. Но тем временем и мы не будем стоять на месте, а в самих западных странах произойдет смена элит, которые в корне переоценят ситуацию и, что называется, «сменят курс» вообще и на российском направлении в частности на реалистичный.

Виктория МОРОЗОВА, II курс, факультет конфликтологии:
— *Как, по Вашему мнению, Россия должна реагировать на активность НАТО вблизи российских границ?*

— Москва уже выдвигала через финскую сторону предложения по снижению напряженности вдоль нашей западной границы в части полетов военных самолетов, включая разведывательные. Однако НАТО упорно уходит от такого разговора, что дает основания судить о заинтересованности западных столиц в поддержании этой искусственно создаваемой напряженности, которая выдается за «свидетельство российской агрессии». В отсутствие договоренностей на этот счет нашим военным остается реагировать в соответствии с их процедурами в целях обеспечения национальной безопасности, недопущения нарушения нашего воздушного пространства. Добавлю, что если у стран НАТО есть вопросы по нашей военной деятельности на собственной территории, то на это существует возможность проведения воздушных инспекций по Договору об открытом небе (ДОН). И это не говоря о возможностях Альянса в плане национальных технических средств контроля (космос, радары и пр.).

Данил ШУВАКИН, II курс, факультет конфликтологии: — *Сегодня, по Вашему мнению, мы являемся свидетелями системной ремилитаризации международных отношений со стороны США, которая заключается в том числе в «милитаризации киберпространства». Что Вы подразумеваете под данным термином и какие технологии при этом применяются?*

— Под милитаризацией международных отношений понимается усиление роли фактора грубой (военной) силы, в том числе как средства оказания давления на партнеров. В свете нынешних реалий трудно представить, как США/НАТО могли бы надавить или запугать нашу страну угрозой применения военной силы. Поэтому упор делается на получение односторонних преимуществ в области кибервойны, то есть использования соответствующих технологий в качестве именно наступательного оружия. Речь идет о выведении из строя военной и двойного назначения инфраструктуры, в том числе в мирное время, за счет трудности либо невозможности определения источника таких атак. Это напоминает историю с созданием ядерного оружия, когда США отказались от его запрещения в надежде сохранить на него монополию. Сейчас эти усилия

(включая и вывод оружия в космос) тем более тщетны. К примеру, западные эксперты признают, что Китай уже опережает США в области кибервойны и искусственного интеллекта, а также противоспутникового оружия. Это только вопрос времени, когда Вашингтон признает, что его интересам отвечает разрядка в этих сферах на основе достижения рациональных договоренностей о мерах сдержанности и контроля. Скорее всего, они будут носить трехсторонний характер — между США, Россией и Китаем.

Анастасия ЗАЙКОВА, II курс, факультет конфликтологии: — Вы предполагаете, что согласно установке администрации Д. Трампа ведется «подготовка к обычной войне в Европе». Какова вероятность возникновения такой войны в ближайшее время?

— Документы стратегического планирования администрации Д. Трампа предусматривают возможность ведения обычных войн против России и Китая. Однако они были приняты до 1 марта 2018 года, когда Россия объявила о наличии у нее качественно новых систем стратегических и обычных вооружений, включая гиперзвуковые. Это делает любое нападение на Россию с применением обычных вооружений малоперспективным. Причем и до достижения этого уровня, по признанию западных экспертов, Россия была надежно защищена противовоздушными, противоракетными и противокорабельными системами вдоль всей своей западной границы, которые сосредоточены в четырех «крепостях» — на Кольском полуострове, в Калининградской области, в Крыму и в Сирии. Терминология НАТО относит эти комплексы к оружию, которое «препятствует доступу к ТВД или отрицает его». Другими словами, противник будет не в состоянии сосредоточить у наших границ достаточные для нападения силы, так как все будет сбиваться или топиться на дальних подступах. К этому эксперты добавляют возможности ракетных ударов на стратегическую глубину по всей критической инфраструктуре на суше и средств электронного противодействия (радиоэлектронной борьбы). То есть исключается возможность размещения сил вблизи наших границ, как это было с нацистской Германией, сосредоточившей огромные силы и средства в Польше и Восточной Пруссии для нападения на СССР 22 июня 1941 года.

Очевидно, что изменился и сам характер войны. Уже физически невозможно сосредоточить танковые армады образца Второй мировой войны (для нападения на Ирак в 1990–1991 гг. США и их союзники концентрировали силы в течение 6 месяцев, притом что иракцы не могли этому воспрепятствовать). У России всегда будет преимущество в развертывании сил на собственной территории: никаких танковых колонн, а стремительные удары на глубину с использованием высококомобильных немногочисленных частей. Таково мнение западных военных экспертов. Так что США/НАТО предстоит заново оценить ситуацию и осознать неизбежность военной и политической разрядки с Россией. Это отвечало бы и такому постулату американской стратегии, как применение «угрозы силой, вызывающей доверие». Такую угрозу в случае обычной войны с нами пока никто не в состоянии создать.

Демид ШЕЛЕПОВ, II курс, факультет конфликтологии: — *В результате британского референдума по Брекситу Великобритания вышла из Евросоюза. Каковы будут последствия этого выхода? Не станет ли это определенным сигналом для тех стран, которые тоже хотели бы выйти из состава ЕС?*

— Конечно, Брексит будет иметь далекоидущие последствия. Это прежде всего раскол западного альянса по линии «англосаксы–немцы / континентальная Европа», что уже было дважды в истории, только сейчас речь идет о торгово-экономической конфронтации. Так, Германия, вложившая крупные средства в китайскую экономику, включая производственные цепочки, больше всех пострадает от линии Вашингтона на «закрытие» Китая (вспомним, что в середине XIX в. Запад «открывал» Китай).

Что касается судьбы ЕС, то, с одной стороны, задача углубления интеграции упростится, поскольку англичане всегда ей препятствовали, а с другой — будет возрастать давление в пользу либо частичного демонтажа европроекта, либо сужения его географических рамок государствами со сходными уровнем развития и мироощущением. Свою роль может сыграть, причем и в ту и в другую сторону, трагический опыт нынешней пандемии. Многое зависит

и от того, как будут развиваться экономики Великобритании и тех стран, что остались в ЕС.

Не исключено, что ситуация в ЕС будет переосмыслена, в том числе в свете экономических последствий коронавируса, в пользу менее глубокой, но уже общерегиональной интеграции в формате общего экономического пространства, с его расширением в перспективе на всю Евразию, включая, кстати, Турцию. Почему бы и нет, если дилеммы, стоящие собственно перед ЕС, окажутся малопривлекательными и неудобоваримыми для самих стран-участниц? Почему бы не растворить европроект в более широкой, трансконтинентальной интеграции?

Вадим ХУДЯКОВ, II курс, факультет конфликтологии: — *Александр Владимирович, Вы считаете, что строительство позитивных, устремленных в будущее отношений Европы с Россией возможно только на основе общих интересов, но никак не ценностей. Означает ли это, что западноевропейские ценности потеряли свою актуальность для России?*

— Дело в том, что ЕС, элиты стран-участниц настаивают на универсальности своих ценностей, которые не предусмотрены универсальными (ООН) и общеевропейскими инструментами в области прав человека и демократического развития. Тому, что уже согласовано в этой сфере, они дают свое толкование, которое основано на опыте развития этих стран последнего времени и далеко не всегда разделяется самим западным обществом. Поэтому общие гуманитарные ценности Европейской цивилизации, лишь частью которой является западная или романо-германская (а именно она дала миру фашизм и нацизм!) цивилизация, сохраняют свое значение для России. У нас общие культурные корни, уходящие в христианство. Но для нас неприемлемо, когда нам навязывают ценности, апеллируя к некому либеральному порядку, хранителем которого якобы выступает Запад, по признанию самих западных политологов, находящийся в состоянии политического, интеллектуального и нравственного упадка. Последний относят на счет действия неолиберальной экономической политики элит (рейганомика–тэтчеризм). Кстати, разрушителем этого порядка, если под ним подразу-

меваются послевоенное мироустройство, по общему признанию, является «Америка Трампа».

Лада ЧАЙКИНА, II курс, факультет конфликтологии: — *Александр Владимирович, Вы говорите о том, что в европейской политике наступает время прагматичных подходов, основанных на базовых ценностях межгосударственных отношений, что связано, по Вашему мнению, «с концом не истории, а метанарративов в их идеологическом обличье». Означает ли это возврат к прошлому опыту международных отношений и откат к традиционализму в этой сфере? Возможно ли это в условиях метамодерна?*

— Не знаю, о каком метамодерне идет речь. Если брать постмодернистскую политическую и философскую мысль (у нее левые корни), то она пытается извлечь уроки из трагического опыта Европы XX века, утверждая свободу человека от любых видов детерминирования и объективирования, прежде всего разного рода идеологий, включая агрессивный национализм. Конечно, можно говорить о традиционализме, если под ним иметь в виду выработанные в том числе историческим опытом Европы (вспомним религиозные войны XVI–XVII вв., вызванные Реформацией) Вестфальские принципы межгосударственных отношений, которые выносят за скобки идейно-ценностные различия и разногласия. В этом отношении холодная война была aberrацией. Сейчас речь идет о преодолении идеологической конфронтации, для которой больше нет никаких оснований, и возвращении в историческую норму.

Вера МЕЙКУП, II курс, факультет конфликтологии: — *Александр Владимирович, по Вашему мнению, Россия обладает огромным потенциалом для всего мирового сообщества (с ее запасами пресной воды, сельскохозяйственными угодьями и лесами). В связи с этим вспоминается фраза бывшего госсекретаря США госпожи Олбрайт о несправедливости факта единоличного владения России Сибирью. Возникает вопрос: не являются ли российские природные ресурсы раздражающим фактором для мировой общественности? Как в этом случае мировым сообществом будет реализован упомянутый Вами потенциал?*

— Да, М. Олбрайт пыталась интернационализировать наши природные ресурсы, выдав их за «общее достояние человечества». Это было грубым покушением на наш суверенитет и территориальную целостность, одним из проявлений политики сдерживания России. Эти наши преимущества, особенно когда природные ресурсы вновь обрели свое значение в мировом развитии, могут быть реализованы в рамках сложившихся форм взаимовыгодного международного сотрудничества, включая торгово-экономическое и инвестиционное. Нас же просто хотели ограбить и лишить прав на собственные ресурсы, что и послужило одним из мотивов модернизации наших вооруженных сил.